

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-251-262

КРАТКОСРОЧНЫЕ УСПЕХИ И ДОЛГОСРОЧНЫЕ ЗАДАЧИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВОРОТА РОССИИ НА ВОСТОК

SHORT-TERM ACHIEVEMENTS AND LONG-TERM OBJECTIVES OF RUSSIA'S ECONOMIC TURN TO THE EAST

КУЗНЕЦОВ Алексей Владимирович

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), директор и главный научный сотрудник, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук

Alexey V. KUZNETSOV

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, director and chief researcher, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (Econ.)

Аннотация

В статье показано, что за 2022–2023 гг. России удалось быстро изменить географию своей внешней торговли товарами за счет разворота на Восток, причем не только на Китай, но и Индию, другие азиатские страны. Вместе с тем товарная структура внешней торговли России меняется медленно, а инерционность сферы прямых инвестиций привела к сокращению активности российских ТНК за рубежом. Таким образом, за явными успехами России в недопущении своей международной изоляции нельзя не замечать сохраняющиеся проблемы долгосрочного укрепления места России в мировом хозяйстве.

Abstract

The article shows that in 2022–2023 Russia has managed to quickly change the geography of its foreign trade in goods by turning to the East, and not only to China, but also to India and some other Asian countries. At the same time, the commodity structure of Russia's foreign trade is changing slowly, and the inertia of the direct investment sector has led to a reduction in the activity of Russian TNCs abroad. Thus, Russia's clear success in preventing its international isolation cannot be overlooked by the continuing problems of long-term strengthening of Russia's place in the world economy.

Ключевые слова Внешняя торговля России, торговые партнеры России, структура экспорта России, прямые иностранные инвестиции, разворот на Восток, стратегия развития связей с глобальным Югом.

Keywords Russia's foreign trade, Russia's trade partners, the structure of Russia's exports, foreign direct investment, a turn to the East, a strategy for developing ties with the global South.

Последние годы мы становимся свидетелями довольно быстрой трансформации всего мироустройства. Уже ярко проявилось возвышение Китая и укрепление экономического значения многих других стран Востока. Однако смена мироустройства всегда является длительным, причем весьма сложным и турбулентным политико-экономическим процессом. К тому же многие параметры нового глобального расклада сил пока не ясны, а главное — не предопределены. Поскольку Россия стремится играть одну из ведущих ролей в сломе доминирования в мире «коллективного Запада», особый интерес представляет характер позиционирования нашей страны по отношению к странам Востока, куда смещается по крайней мере центр мирового хозяйства.

В мае 2024 г. в стенах Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН) в очередной раз прошла пленарная конференция МАЭФ. В этот раз она называлась: «Интенсификация экономических связей России с государствами Азии и Африки». Представленная статья базируется на сделанном автором первом докладе, который отчасти определил рамки дальнейшей, весьма плодотворной дискуссии. На конференции было немало интересных докладов представителей ведущих исследовательских центров Москвы, занимающихся Азией и Африкой (на основе некоторых из них в этом журнале также подготовлены статьи).

Быстрое изменение географии внешней торговли России

Одним из важных маркеров реального изменения географических приоритетов страны служит картина внешней торговли товарами. С началом СВО на Украине ФТС России, ЦБ РФ и почти все крупные российские компании резко сократили объем предоставляемой официальной информации о внешнеэкономической деятельности с целью противодействия дальнейшим хищениям российской собственности в странах «коллективного Запада» и сокращения негативного влияния от недобросовестной конкуренции западных союзников Украины, обычно называемых «вторичными санкциями». Тем не менее общие сведения о кардинальных сдвигах в географии российской внешней торговли представить можно на основе как краткой отечественной официальной информации и сообщений высокопоставленных чиновников в СМИ, так и «зеркальной» статистики стран-партнеров. Фактически за два года Россия смогла резко «развернуть» как свой экспорт, так и импорт на страны «мирового большинства» (иначе часто называемого глобальным Югом). В итоге России удалось не допустить своей изоляции во внешнеторговых связях, несмотря на серьезные усилия недружественных стран «коллективного Запада» и наличие влиятельного «прозападного» лобби в самой

России, представители которого в прошлые десятилетия обогащались на ущербной однобокой географической ориентации России. Можно отчасти согласиться с утверждением, что события 2023 г. показали, что основное бремя издержек, связанных с геополитическим противостоянием вокруг украинского кризиса, оказалось возложенным на европейские страны [1, с. 14]. Однако чрезмерный оптимизм в отношении устойчивости российской экономики опасен — на наш взгляд, пока наиболее успешной в области мирохозяйственных связей России оказалась лишь перестройка географической структуры внешней торговли товарами.

Важно подчеркнуть, что быстрый (причем неожиданный для многих западных экспертов) разворот географии внешней торговли России произошел не только за счет усиления ориентации на Китай. За 2022–2023 гг. Россия смогла продолжить наращивание товарооборота с Турцией и арабскими странами, а Индия вообще поднялась на 2-е место среди важнейших партнеров нашей страны после 14-го места в 2021 г. (см. табл. 1). Собранные нами из разных надежных источников данные о российской внешней торговле показывают, что в 2023 г. товарооборот с Индией по сравнению с 2021 г. у России вырос в 4,8 раза, тогда как с Китаем — лишь в 1,7 раза (примерно такой же была динамика российско-турецкой торговли). При этом следует признать, что отсутствует односторонняя зависимость России от тройки важнейших партнеров. Так, доля России в товарообороте Китая составляет 4%, причем за два года она выросла на 1,6 проц. пункта, доля нашей страны в товарообороте Индии достигла 6,5% (рост более чем на 5 проц. пунктов), а в товарообороте Турции — 9,2% (при этом показатель 2023 г. выше доли в 2021 г. на 2,2 проц. пункта). Для сравнения: роль России в товарообороте ФРГ составляет 0,4%, но и до начала СВО не достигала 2%.

Подчеркнем, что по итогам 2023 г. недружественные страны не попали даже в пятерку важнейших торговых партнеров России (в 2022 г. из-за всплеска цен на углеводороды многие члены ЕС, вопреки своей «санкционной» политике, краткосрочно даже укрепляли свои позиции в качестве партнеров России). В 2023 г. в десятке ведущих торговых партнеров России было только две страны-члена агрессивного военно-политического блока НАТО — Германия и Нидерланды, тогда как США вообще вылетели из топ-20, оказавшись на одном уровне с Египтом. Почти все государства «коллективного Запада» по итогам 2023 г. резко сократили товарооборот с Россией (однако заметным исключением является Венгрия, которая за два года поднялась с 25-й на 14-ю позицию среди партнеров России, что не удивительно, учитывая особую позицию ее политического руководства). Вместе с тем это не привело к радикальному сокращению объемов внешней торговли России. Более того, показательно, что не входящие в НАТО ведущие восточноазиатские государства «коллективного Запада» — Япония и Республика Корея — демонстрируют особую, более умеренную динамику торговых отношений с Россией, стремясь не разрывать полностью отношения, чтобы не уступать тем самым место китайским и другим восточным конкурентам.

Тем не менее нельзя считать последствия санкционного давления «коллективного Запада» незначительными для России. Например, многие страны, особенно в АСЕАН и Африке южнее Сахары опасаются «вторичных санкций», равно как и негативных политических последствий со стороны США и их союзников в конфликте с Россией вокруг Украины. Показателен пример Вьетнама, который за 2022–2023 гг. заметно сократил объемы торговли с Россией при общих декларациях с обеих сторон

Таблица 1. Иллюстрация разворота России на Восток во внешней торговле в 2022–2023 гг.

Страна	Место среди партнеров РФ в 2023 г.	Оборот, млрд долл.	Доля у РФ в 2023 г., %	Место среди партнеров РФ в 2021 г.	Оборот, млрд долл.	Доля у РФ в 2021 г., %
Китай	1	240,1	33,8	1	141,6	18,0
Индия	2	64,9	9,1	14	13,6	1,7
Турция	3	56,5	8,0	6	33,6	4,3
Белоруссия	4	55,0	7,7	4	38,8	4,9
Казахстан	5	26,0	3,7	10	25,6	3,3
Респ. Корея	6	15,0	2,1	8	29,9	3,8
Германия	7	12,2	1,7	2	57,1	7,3
ОАЭ	8	12,1	1,7	28	5,4	0,7
Бразилия	9	11,3	1,6	19	7,5	1,0
Нидерланды	10	9,9	1,4	3	46,4	5,9
Узбекистан	11	9,9	1,4	23	6,9	0,9
Япония	12	9,7	1,4	13	19,9	2,5
Италия	13	9,4	1,3	7	31,2	4,0
Венгрия	14	7,4	1,0	25	6,0	0,8
Армения	15	7,3	1,0	46	2,6	0,3
...						
Гонконг	20	5,9	0,8	56	2,2	0,3
Египет	21	5,5	0,8	33	4,8	0,6
Вьетнам	25	5,0	0,7	21	7,1	0,9
Азербайджан	Вне 25	4,3	0,6	39	3,4	0,4
Индонезия	Вне 25	4,0	0,6	40	3,3	0,4
Иран	Вне 25	4,0	0,6	37	4,0	0,5
Алжир	Вне 25	3,8	0,5	43	3,0	0,4
Киргизия	Вне 25	3,6	0,5	49	2,5	0,3

Источник: Составлено автором на основе данных ФТС России и российских торгпредств (включая сообщения в ведущих российских СМИ), а также «зеркальной» статистики

о необходимости развития двусторонних экономических связей. Занимающая 78-е место в мире по размеру ВВП при расчете по ППС Индонезия не входит даже в топ-25 наиболее значимых торговых партнеров России (тогда как сопоставимая с ней Бразилия поднялась с 19-й на 9-ю позицию). По-видимому, «санкционный» фактор играет ощутимую роль даже для входящего в ЕАЭС Казахстана, равно как и одного из активных участников БРИКС — ЮАР (товарооборот с Россией в 2023 г. составил 1,2 млрд долл., увеличившись за 2 года менее чем на 10%, так что страна покинула пятерку важнейших российских торговых партнеров в Африке).

Есть и иные причины недостаточной динамики российской торговли с рядом стран Востока. Например, в случае Ирана речь идет о финансовых и логистических барьерах. Так, в Иране лишь в мае 2023 г. появился офис российского банка (ВТБ), а международный транспортный коридор «Север-Юг» многие годы обсуждался, но его развитие перешло в активную фазу недавно. Многие небольшие страны Тропической Африки до сих пор не заинтересовали значимых российских экспортеров за исключением поставщиков продовольствия и удобрений, что скорее всего обусловлено отсутствием должной институциональной поддержки со стороны российского государства (выделим дефицит торгпредств). В ряде стран Востока структура российской торговли однобока, причем даже если речь не идет о ставке на продукцию ОПК (как в случае Алжира). Так, одна из самых населенных стран мира Бангладеш, по размеру ВВП при расчете по ППС сопоставимая с Вьетнамом и Ираном, в 2023 г. продемонстрировала товарооборот с Россией, равный лишь 2,7 млрд долл., поскольку он главным образом основан на поставках сельскохозяйственной продукции и обслуживании строительства «Росатомом» АЭС.

Обнародованные ФТС России обобщенные данные за первое полугодие 2024 г. в сравнении с первым полугодием 2023 г. показывают, что наметившиеся тренды сохраняются. Так, внешний товарооборот страны сократился с 349,8 млрд долл. до 337,5 млрд долл., то есть на 3,5% (за два первых года СВО суммарное сокращение показателя составило 9,7% или чуть более 76 млрд долл.). При этом, однако, российский экспорт уменьшился в первом полугодии 2024 г. по сравнению с аналогичным периодом 2023 г. лишь на 0,4% — на фоне продолжения роста поставок в Азию, Латинскую Америку и особенно Африку экспорт в Европу упал еще на 1/3. В то же время импорт сокращался из всех макрорегионов мира. В целом доля Азии (включая страны СНГ) во внешнем товарообороте России в первом полугодии 2024 г. достигла 71,9% (за год увеличившись еще на 4,7 проц. пункта), а доля Африки составила 4,1%.

Медленные сдвиги в структуре внешней торговли России

В целом медленное изменение структуры внешней торговли России характерно для большинства географических направлений. Одна из причин — недооценка россиянами сравнительно новых для них рынков, особенно небольших стран. В значительной мере разворот российской торговли на Восток был связан с успешной переориентацией сырьевых (прежде всего нефтегазовых) поставок на страны Азии. Потери европейских рынков в 2022–2023 гг. почти не компенсировались усилиями по расширению присутствия производителей российской готовой продукции и полуфабрикатов, например, в странах Африки южнее Сахары.

Еще важнее то, что Россия со многими странами Востока сохраняет большое положительное сальдо, что подрывает, например, возможности для дальнейшего

быстрого наращивания товарооборота, равно как и по переходу на расчеты в национальных валютах (вместо этого отказ от доллара и евро ведет к повышению значения юаня). Наибольший (более чем десятикратный) разрыв между экспортом и импортом среди стран, у которых товарооборот с Россией превышает 2,5 млрд долл., наблюдается у Алжира и Монголии. Среди стран с меньшим показателем, примеров еще больше. Иллюстрацией служит даже такая крупная страна, как Нигерия – в 2023 г. Россия более чем на 1 млрд долл. продала товаров преимущественно в рамках трех своих «традиционных» групп (нефтепродукты, пшеница и калийные удобрения), закупив в крупнейшем африканском государстве какао-бобы и другие сельскохозяйственные товары на общую сумму менее 35 млн долл.

Поскольку ФТС России не приводит детальные сведения о структуре российского экспорта в 2022–2024 гг., то приходится полагаться на «зеркальную» статистику, которая лучшим образом обобщена на портале trademap.org Международного торгового центра в Женеве (см. табл. 2). В целом можно отметить, что ведущие партнеры в Азии (а на Китай, Индию и Турцию в 2023 г. пришлось 59% российского товарного экспорта против 23,5% двумя годами ранее) заменить в целом ЕС и другие страны «коллективного Запада» не смогли. Правда, сразу подчеркнем, что по данным ФТС России в 2023 г. товарный экспорт России составил 425,1 млрд долл., что подтверждает наличие лакун в «зеркальной» статистике (на уровне примерно 4%).

Таблица 2. Трансформация товарной структуры экспорта России в 2022–2023 гг. (показатели по 25 важнейшим товарным группам по итогам 2023 г. в млрд долл.)

Товарная группа (ТН ВЭД)	Весь мир		Китай		Индия		Турция	
	2021	2023	2021	2023	2021	2023	2021	2023
Всего	492,3	407,9	78,1	128,5	8,7	67,1	29,0	45,6
27 – минеральное топливо	212,4	260,0	52,4	94,0	4,7	58,7	14,3	30,1
71 – драгоценные камни, металлы и т.п.	31,6	20,8	1,5	2,3	1,3	1,3	0,3	0,2
72 – чугун и сталь	28,9	15,3	1,2	0,7	0,1	0,6	5,2	3,3
31 – удобрения	12,5	15,2	0,8	1,3	0,5	2,6	0,1	0,3
10 – злаки	9,2	11,7	0,1	0,3	0,0	0,0	2,5	3,4
76 – алюминий и изделия из него	8,7	8,3	0,8	2,9	0,1	0,1	1,3	1,4
03 – рыба и морепродукты	5,9	6,2	1,9	2,9	0,0	0,0	0,0	0,0
74 – медь и изделия из нее	6,0	6,1	3,9	3,2	0,0	0,1	0,9	1,7
15 – жиры и масла, воски	5,4	5,7	1,0	2,6	0,3	1,3	1,1	0,5
44 – древесина и изделия из нее	11,7	5,4	4,1	3,2	0,0	0,0	0,0	0,3
26 – руды, шлак и зола	7,4	5,2	4,3	4,4	0,0	0,0	0,3	0,0

Товарная группа (ТН ВЭД)	Весь мир		Китай		Индия		Турция	
	2021	2023	2021	2023	2021	2023	2021	2023
28 – продукты неорганической химии и др.	4,0	5,2	0,2	0,9	0,1	0,2	0,4	0,3
84 – реакторы ядерные, котлы и т.п.	10,8	3,5	0,1	0,5	0,1	0,1	0,2	0,5
75 – никель и изделия из него	2,0	3,4	1,0	1,1	0,1	0,2	0,0	0,0
39 – пластмассы и изделия из них	6,2	2,5	0,6	0,5	0,1	0,1	0,6	0,7
73 – изделия из черных металлов	4,0	2,5	0,0	0,3	0,0	0,0	0,2	0,2
23 – отходы пищевой промышленности, корма	2,1	2,4	0,2	0,5	0,0	0,0	0,4	0,7
29 – органические химические соединения	3,5	2,0	0,2	0,5	0,1	0,1	0,2	0,5
12 – масличные и др.	1,2	1,9	0,5	1,3	0,0	0,0	0,1	0,1
40 – каучук и резина	3,6	1,8	0,3	0,7	0,2	0,1	0,1	0,2
48 – бумага и картон	3,2	1,7	0,6	0,9	0,1	0,2	0,1	0,2
85 – электрические машины и оборудование и т.п.	6,1	1,7	0,2	0,3	0,0	0,0	0,0	0,1
47 – целлюлоза и т.п.	1,4	1,4	1,0	1,3	0,0	0,0	0,0	0,0
07 – овощи	0,8	1,4	0,0	0,3	0,0	0,0	0,1	0,3
99 – товары, не включенные в другие группы	73,3	1,4	0,1	0,2	0,4	0,9	0,0	0,0

Источник: Составлено автором на основе данных ИТС (<https://www.trademap.org>)

К сожалению, нельзя говорить об улучшении структуры российской внешней торговли, если под таковой понимать рост значения товарных групп с высокой добавленной стоимостью. Количество групп двузначной классификации ТН ВЭД, объемы российского экспорта в которых превышают 1 млрд долл., составило в 2023 г. только 25, включая группу 99, которая не дает надежных данных в режиме «зеркальной» статистики (но без нее как раз объемы экспорта России в 2021 и 2023 гг. в интерпретации Международного торгового центра почти сопоставимы – 419 млрд долл. против 406,5 млрд). Лишь одна из этих групп – 07 (овощи и некоторые съедобные корнеплоды и клубнеплоды) вошла в данный перечень с начала СВО на Украине. Зато существенно сократился экспорт из России прежде всего по таким товарным группам, как:

■ 87 (средства наземного транспорта кроме железнодорожного) – с 3,7 млрд долл. до 0,7 млрд;

- 30 (фармацевтическая продукция) — с 2,5 млрд долл. до 0,4 млрд;
- 90 (инструменты и аппараты оптические, фотографические и т.д.) — с 1,7 млрд долл. до 0,4 млрд;
- 89 (суда, лодки и плавучие конструкции) — с 1,3 млрд долл. до 0,1 млрд;
- 86 (железнодорожные локомотивы и др.) — с 1,2 млрд до 0,7 млрд.

Сократившись примерно в 1,5–2 раза, экспорт из России упал ниже отметки 1 млрд долл. и по таким группам как 02 (мясо и пищевые мясные субпродукты), 21 (разные пищевые продукты), 25 (соль, сера и т.п., цемент), 38 (прочие химикаты). Многократные падения поставок готовой продукции наблюдались и для менее значимых товарных групп — так, в группе 94 (мебель) с 0,9 млрд долл. до 0,3 млрд.

Эти данные дополняют общую картину, отраженную в таблице 2: на фоне роста экспорта минерального топлива (прежде всего нефти), удобрений, злаков (пшеницы) и некоторых других продовольственных товаров, которые весьма востребованы в странах Востока, сильно «просели» экспортеры черной металлургии и машиностроения, многие производители химикатов. По-видимому, российские производители были довольно успешно интегрированы в сложные цепочки создания стоимости ТНК стран «коллективного Запада» и им трудно сразу переориентироваться на рынки глобального Юга (хотя, казалось бы, там для российских промышленных товаров уровень конкуренции должен быть ниже). Яркой иллюстрацией служит Индия: за два года российский экспорт минерального топлива вырос в 12,5 раз, экспорт других товаров — в 2,1 раза (а за вычетом еще и экспорта удобрений, выросшего в пять раз, — лишь в 1,7 раза). Приведенные показатели свидетельствуют также о том, что использование «перевалочных баз» в экспорте России в недружественные страны «коллективного Запада», если и имеет место, не меняет картину структуры поставок радикально.

В случае российского экспорта углеводородов в связи с санкциями необходимо учесть особое положение России на мировых рынках — фактически эксперты недружественных нашей стране государств не учли «ловушку большой страны». Так, особенно в 2022 г., но и в 2023 г. Россия с выгодой для себя использовала высокие цены на углеводороды, вызванные искусственным ограничением их предложения за счет санкций в отношении самой России. Вместе с тем действуют и другие факторы, не связанные с санкциями. Например, замедление темпов роста китайской экономики привело к снижению мирового спроса на некоторые виды металлов, падению цен, что в итоге отразилось негативно и на российском экспорте [2, с. 43–47].

Данные «зеркальной» статистики о товарном импорте России менее надежны. Если ФТС России на 2023 г. зафиксировал стоимость ввезенных в страну товаров на уровне 285,1 млрд долл., то Международный торговый центр отразил лишь 208,4 млрд долл., то есть 27% импорта оказались им не учтены. Понимая также наличие большего количества «серых схем», «параллельного импорта» и т.п. (некоторые уже подробно рассмотрены в научной литературе — [3]), приходится пока отказаться от анализа структурных изменений в российском импорте, аналогичного проведенному нами в отношении экспорта. Заметим только, что тремя важнейшими товарными группами у России была и остается машиностроительная продукция (группы 84, 87 и 85), причем поставки из КНР выросли до 64,9 млрд долл. в 2023 г. против 33,1 млрд двумя годами ранее. На 4-м месте во всем российском

импорте находится группа 30 (фармацевтическая продукция), которая даже по данным «зеркальной» статистики мало изменилась в объеме, тогда как китайские поставки по-прежнему ничтожны (на уровне 1%). Примечательно, что и российские закупки лекарств в Индии не выросли за 2022–2023 гг. на фоне огромного положительного торгового сальдо для России – удельный вес Индии составляет 3–4% в российском фармацевтическом импорте. На ФРГ все еще приходится почти 1/5 российского импорта фармацевтической продукции. В пределах конъюнктурных колебаний меняются объемы поставок лекарств из нескольких других стран ЕС (вклад Италии, Франции, Ирландии, Словении, Венгрии по-прежнему сопоставим с индийским), а доля Швейцарии даже ощутимо выросла (до 15%).

Инерционность трансграничных инвестиционных связей России

Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) традиционно более инерционны по сравнению с внешней торговлей, что подтверждают и изменения в объемах и географической структуре ПИИ, связанных с Россией. Накопленный объем экспортированных российских ПИИ сократился с 374,6 млрд долл. в начале 2022 г. до 258,2 млрд к 1 января 2024 г. Таким образом, доля России в мире снизилась, по данным ЮНКТАД, с почти 0,9% до менее 0,6%. За это время полностью потеряны активы на Украине (даже на начало 2020-х гг. из-за недальновидной политики «Сбербанка России» и некоторых других крупных инвесторов их объем превышал 3 млрд долл.). Кроме того, конфискованы активы ряда ТНК в Германии и других странах ЕС, проведена из-за санкций превентивная распродажа с дисконтом активов в ЕС и США, иногда идет перерегистрация активов даже в СНГ (в том числе фиктивно под другие «флаги»). При этом подчеркнем, что некоторых потерь можно было бы избежать, но после 2014 г. в России и крупный бизнес, и власти явно недооценили степень интеграции отечественных компаний в мировую экономику, равно как и готовность стран «коллективного Запада» ради собственных национальных интересов легко нарушить «международные правила» ведения транснационального бизнеса [4]. При этом речь идет не только о незаконных конфискациях российских активов, но и о принуждении западных ТНК нести большие убытки, сворачивая бизнес в России, что негативно сказалось и на российской внешней торговле, и на российских ТНК.

В условиях санкций у российских ТНК мало дополнительных финансовых ресурсов для новой экспансии, к тому же в ряде стран Востока есть негативное влияние «вторичных санкций». Например, благодаря «старшему» партнеру в лице итальянской ENI «Лукойл» смог расширить бизнес в Республике Конго (к 0,8 млрд долл. ПИИ в 2019 г. в покупку 25% нефтегазового проекта добавились 0,2 млрд долл., вложенные в запуск СПГ-завода), тогда как «Алроса» в Анголе все время борется с инициированным странами «коллективного Запада» выдавливанием из проекта Catoca, где российский инвестор успешно работает с 1990-х гг. «Росатом» впервые в мире реализует проект строительства АЭС по модели «строительство-владение-управление» (build-own-operate), вложив несколько миллиардов долларов в Турции, но в немалой степени это связано с тем, что после начала СВО на Украине все частные турецкие соинвесторы отказались от партнерства в АО «Аккую-Нуклеар». Существует еще несколько очень крупных проектов в странах Востока, в том числе в сфере энергетики, которые могут быть реализованы в самое ближайшее время с участием России, если не возникнут новые внешнеполитические препятствия.

В области недвижимости разворот российских прямых инвестиций на Восток обусловлен главным образом эмиграцией россиян — в лидерах среди реципиентов ОАЭ, Армения и Таиланд, но масштаб ПИИ пока совсем иной. Так, в Таиланде в 2023 г. россияне вложили в недвижимость 128 млн долл., при том что ежегодно в ЕС вывозили несколько миллиардов долларов. Аналогичная ситуация и с банковским бизнесом — «Сбербанк России» растерял почти все зарубежные активы, включая банки в Казахстане и Турции, но даже ВТБ испытывает значительные проблемы, хотя сохранил присутствие среди прочего в Индии, Китае, Вьетнаме и Казахстане. В целом, однако, наметившаяся уже в 2010-е гг. стагнация российской инвестиционной экспансии практически во всех отраслях стала ярче видна после 2022 г.

Не происходит пока ощутимой замены западных прямых инвесторов на восточных в самой России. Лишь некоторое количество проектов, покинутых ТНК из стран «коллективного Запада», нашли новых зарубежных владельцев, прежде всего китайских. В итоге, по данным ЮНКТАД, накопленный объем импортированных российских ПИИ сократился с 497,7 млрд долл. в начале 2022 г. до 278,8 млрд к 1 января 2024 г., а доля России в мире — с 1% до менее чем 0,6%. В долгосрочном плане это означает отсутствие ощутимой поддержки для позитивных изменений в структуре российской внешней торговли со стороны ПИИ, которые являются основой функционирования большинства трансграничных цепочек создания стоимости.

Проблемы стратегического видения места России в мировом хозяйстве

Представленный нами анализ показывает, что за явными успехами России в недопущении своей международной изоляции нельзя не замечать сохраняющиеся проблемы долгосрочного укрепления места России в мировом хозяйстве. Обращает на себя внимание тот факт, что при осознании во властных структурах и экспертном сообществе необходимости разворота на Восток до сих пор не разработана комплексная стратегия интенсификации связей с глобальным Югом.

В частности, предпринимается мало усилий для интенсификации подготовки российских специалистов для работы со странами Востока. Не создаются ощутимые финансовые и карьерные стимулы для выпускников работать именно в трудных условиях Азии и Африки. Если мы хотим действительно развивать контакты с государствами глобального Юга, то российские специалисты, причем не только экономисты, но и инженеры, другие технические специалисты должны быть мотивированы работать на этом направлении, особенно в Тропической Африке, потенциал хозяйственных связей с которой у России почти не раскрыт [5]. Скорее всего с определенными коррективами придется вспомнить даже советский опыт стимулирования молодых специалистов. Кроме того, нужны новые конкурентоспособные предложения в области образования и науки, расшивка «узких мест». Так, до сих пор сохраняется дефицит квалифицированных кадров на таких важных направлениях, как Юго-Восточная Азия и Тропическая Африка.

При этом освоение рынков восточных стран, в отличие от европейских, требует нередко использования более сложных схем торговых и инвестиционных связей, включая партнерство с бизнесом условно нейтральных по отношению к России стран. Не случайно, что даже анализируя развитие экономической интеграции, которую традиционно описывают по примененной в ЕС модели Б. Балаша, рос-

сийские эксперты для оценки путей углубления интеграции в рамках Большой Евразии и АТЭС начинают говорить об альтернативных гибких подходах [6].

Фактически именно Восток отличался всегда неразделимостью экономических и внеэкономических факторов внешних хозяйственных связей. В этой связи особое значение должна приобрести российская помощь развитию на двусторонней основе, которая будет продвигать интересы отечественного бизнеса, одновременно решая насущные проблемы развития стран Азии и Африки [7]. Нельзя забывать и о том, что с начала 1990-х гг. в России недооценивали для достижения конкретных экономических целей роль информационной борьбы с западными конкурентами в странах глобального Юга. Особенно актуально это в странах Арабского мира [8].

У нас очень много мелких неудач, которые в конечном счете складываются в единую картину, когда бизнес вроде и хочет идти на Восток, но годами мало что делается. Самый яркий пример — как долго мы движемся к развитию Российской промышленной зоны в Египте? Вроде есть прогресс, вкладываются большие средства в инфраструктуру, подобраны первые компании-резиденты и отката назад нет, но что удалось достичь за целое десятилетие в части реального производства, если вспомнить самое первое решение о ее организации в 2014 г.?

По нашему мнению, требуется выходить на принципиально иной уровень взаимодействия профильных государственных структур, бизнеса (особенно крупного) и научных организаций при конкретной работе по обеспечению внешнеэкономического разворота России на Восток. Есть, безусловно, спрос на глубокий анализ конкурентных возможностей в конкретных странах, в том числе со стороны наших бизнес-структур, но тут претензии можно выдвигать и к бизнесу, который часто боится быть откровенным с властями и недооценивает представителей академического сообщества. Хотя и ученые из университетов и институтов системы РАН не всегда доходят до нужной степени практического уровня советов. Более того, анализ часто надо вести не только по отдельным странам, но и масштабно — в рамках, например, БРИКС, сопоставляя возможности для российского бизнеса в разных макрорегионах мира.

Библиографический список

1. Афонцев С.А. *Мировая экономика и Россия: экономические последствия геополитических потрясений* // Год планеты: ежегодник. Выпуск 2023 г. Москва: Идея-Пресс, — 2024. — С. 10–25.
2. Ушколова Д.И. *Внешняя торговля России: предварительные итоги второго года противостояния санкционному давлению* // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2023. — № 6. С. 43–60.
3. Голубчик А.М., Пак Е.В. *Логистические схемы обхода санкционного режима стран Запада в отношении России* // Российский внешнеэкономический вестник. — 2023. — № 5. — С. 63–69.
4. Кузнецов А.В. *Экспорт и импорт прямых инвестиций: история крупных российских потерь с начала XX века* // Проблемы прогнозирования. — 2023. — № 4. — С. 32–41.
5. Корендясов Е.Н., Константинова О.В. *Некоторые аспекты российско-африканского сотрудничества на современном этапе* // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2023. — Т. 16. — № 1. — С. 170–186.
6. Хейфец Б.А. *Накопительная модель международной экономической интеграции* // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2023. — Т. 16. — № 1. — С. 35–52.

7. Дегтерев Д.А. Российская и советская система оказания международной помощи: сравнительный анализ в меняющейся мир-системе // *Российская и китайская помощь странам Азии и Африки*. Москва: РУДН, – 2023. – С. 7–38.
8. Кулешова Н.С., Хвалей А.А. Стратегия информационного противостояния стран коллективного Запада в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2024. – Т. 17. – № 1. – С. 30–51.

References

1. Afontsev S.A. *Mirovaja jekonomika i Rossija: jekonomicheskie posledstvija geopoliticheskikh potrjasenij* // *God planety: ezhegodnik*. Vypusk 2023 g. Moscow: Ideja-Press, – 2024. – P. 10–25.
2. Ushkalova D.I. *Vneshnjaja trgovlja Rossii: predvaritel'nye itogi vtorogo goda protivostojanija sankcionnomu davleniju* // *Vestnik Instituta jekonomiki Rossijskoj akademii nauk*. – 2023. – № 6. – P. 43–60. – DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_43_60.
3. Golubchik A.M., Pak E.V. *Logisticheskie shemy obhoda sankcionnogo rezhima stran Zapada v otnoshenii Rossii* // *Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik*. – 2023. – № 5. – P. 63–69. – DOI: 10.24412/2072-8042-2023-5-63-69.
4. Kuznetsov A.V. *Outward and Inward Foreign Direct Investments: History of Major Russian Losses Since the Beginning of the 20th Century* // *Studies on Russian Economic Development*. – 2023. – Vol. 34. – № 4. P. 450–455. – DOI: 10.1134/S1075700723040081 (in English).
5. Korendyasov E.N., Konstantinova O.V. *Nekotorye aspekty rossijsko-afrikanskogo sotrudnichestva na sovremennom jetape* // *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. – 2023. – Vol. 16. – № 1. P. 170–186. – DOI: 10.31249/kgt/2023.01.09.
6. Kheyfets B.A. *Nakopitel'naja model' mezhdunarodnoj jekonomicheskoy integracii* // *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. – 2023. – Vol. 16. – № 1. – P. 35–52. – DOI: 10.31249/kgt/2023.01.02.
7. Degterev D.A. *Rossijskaja i sovetskaja sistema okazaniya mezhdunarodnoj pomoshhi: sravnitel'nyj analiz v menjajushhejsja mir-sisteme* // *Rossijskaja i kitajskaja pomoshh' stranam Azii i Afriki*. Moscow: RUDN, – 2023. – P. 7–38.
8. Kuleshova N.S., Khvalej A.A. *Strategija informacionnogo protivostojanija stran kollektivnogo Zapada v arabskih stranah Blizhnego Vostoka i Severnoj Afriki* // *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. – 2024. – Vol. 17. – № 1. – P. 30–51. – DOI: 10.31249/kgt/2024.01.02.

Контактная информация / Contact information

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)
117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
117418, Nakhimovsky Avenue 51/21, Moscow, Russian Federation
Кузнецов Алексей Владимирович / Alexey V. Kuznetsov
kuznetsov@inion.ru